

вспомяну, какова злаго нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранил, но и бивал, к тому ж сколько лет, почитай, не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться».

В приведенном отрывке, как и во всем послании, обращает на себя внимание конкретность и живость стилистической манеры Петра. Даже библейские образы, к которым он часто прибегал в своих публицистических статьях и посланиях, приобретают в его изложении сугубо конкретный, человеческий смысл и начисто лишаются абстрактно-религиозной интерпретации; они удачно включаются в контекст бытовых, взятых из повседневной жизни царской семьи фактов, в которых, кстати сказать, отразилась негативная сторона этой жизни: взаимное отчуждение между отцом и сыном, брань, побои, угрюмое молчание. Не лишним будет заметить, что то, как представлены в «тестamente» нравственные и общественно-политические принципы царевича, его внутренний облик, не противоречит истине. Об этом позволяют судить письма Алексея к отцу и другим лицам. Так, желая отвести гнев отца, в своем ответном на «тестamente» письме, уклоняясь от ответа по существу поставленных перед ним вопросов, он только жаловался на слабость здоровья, на телесные и умственные недуги, якобы препятствующие его воинской и государственной деятельности, и потому смиренно отказывался от прав на престол. Он писал отцу: «Милостивый государь-батюшка! Сего октября в 27 день 1715 году, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, вычел; на что инаго донести имею, только буде изволишь за мою непотребность меня наследия лишить короны российской, буди по воле вашей. О чем и я вас, государь, всенижайше прошу, понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради наследия (дай боже вам многолетное здравие!) российского по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава богу! брат у меня есть, которому дай, боже, здравие) не претендую и впредь претендовать не буду; в чем бога свидетеля полагаю на душу мою и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою» (стр. 348—349).

Однако, как выяснилось позднее, во время следствия и суда над ним, когда были преданы огласке его тайные письма к единомышленникам, поведение царевича в данном случае, как и в связи с другими письмами к отцу по вопросу о престоле, было неискренним и притворным (Приложения, стр. 83, 84, 173). Втайне он искал любых, в том числе и насильственных путей к власти и